

УДК 502:3703

DOI 10.25688/2076-9113.2018.32.4.05

С.А. Боголюбов

Эколого-правовому образованию помогают художественные произведения

Статья посвящена идее о том, что сочетание юридического экологического образования и художественных произведений положительно отражается на качестве подготовки выпускников вузов. Для участия в организации надлежащего правопорядка, природопользования, охране природы, реализации права каждого на благоприятную окружающую среду необходимо соединение экологических и правовых знаний, эколого-правовое воспитание и культура. Этому способствуют художественные формы отражения, познания действительности в произведениях живописи, музыки, литературы, театра.

Ключевые слова: юриспруденция; становление и верность профессии; художественное просвещение; личность; общество; государство.

Сочетание юридического, экологического образования с художественным просвещением обогащает профессиональных юристов, осваивающих обязательные учебные дисциплины «Экологическое право», «Земельное право», художественными ценностями, культурой, что, безусловно, отражается на качестве, имидже выпускников — будущих работников в сфере юриспруденции, экологии. Для участия в организации рационального природопользования, охране природы, реализации права на благоприятную окружающую среду и получение экологической информации необходимо эколого-правовое воспитание, образование.

По мере обучения к студентам, магистрантам, аспирантам приходит ощущение связи профессии с произведениями живописи, музыки, театра, литературы, накапливается набор средств соединения задач учебного процесса, тематики изучаемых предметов с художественными формами отражения, познания действительности. Почти в каждом художественном произведении присутствуют темы права, использования и охраны природных ресурсов; их целенаправленное прочтение способно оживить преподавание, придать

импульс освоению знаний, восхищению талантами отечественных, зарубежных авторов, стремящихся отображать реальность с присутствующими в быту юридическими скрепами, природными условиями, перманентно находящиеся в столкновении экологию и экономику.

Живописцы используют сюжеты, волнующие юристов вне времени и пространства. В связи с современными изменениями законодательных требований об огороднических, садовых, дачных объединениях, регламентациях построек для инвентаря, укрытия от непогоды привлекает внимание картина В.И. Сурикова «Старик-огородник» (1882) с изображением немолодого мужчины, его шалаша, а также окружающего их пейзажа, обрабатываемой им капусты и других овощных культур.

Также обращают на себя внимание картины В.Е. Маковского «В камере мирового судьи» и «Свидетели» с приемной, судебными приставами, распорядителями, секретарями-писцами, стряпчими. Эти картины демонстрируют состояние, развитость пореформенной российской судебной системы последней трети XIX века, которую можно сравнивать с дряхлеющей судебной реформой XXI века. На эти же темы создавалась картина И.Е. Репина «В волостном правлении» с огромной очередью жалобщиков (обратившихся на прием), распорядителей (выстраивающих посетителей), писарей (учитывающих заявителей), то есть немалым организационно-техническим аппаратом, обеспечивающим порядок в казенном присутствии.

Для уяснения государственного устройства, происхождения, состава правящей элиты, способа управления, понимания атмосферы общества накануне Первой русской революции представляет интерес грандиозное полотно И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения», выставленное в Русском музее С.-Петербурга. Можно обсуждать прибрежную полосу и распределение лидерских, трудовых функций в его картине «Бурлаки на Волге», ландшафт, организацию, охрану массовых общественных мероприятий в «Крестном ходе в Курской губернии» и «Проводах новобранца», обыск, задержание в «Аресте пропагандиста», комментировать правовую обстановку в картинах «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван».

Поводами к обсуждению и раздумьям о сочетании обыденного и правового служат картины «Всюду жизнь» и «Опять двойка» с объектами животного мира, «Письмо с фронта» с солнечной погодой, отражающей радость приближающейся победы над немецким фашизмом. В.А. Серов написал «Декрет о земле» и «Декрет о мире» (1957) об обстановке принятия законов, которые надолго определили развитие земельных и иных важнейших общественных отношений.

По картинам К.Ф. Юона «Жизнь на берегу. Псков» (1904), «Весна. Троице-Сергиева лавра» (1912), «Праздник кооперации в деревне» (1928), «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» (1948), «Утро индустриальной Москвы» (1949), графике, акварелям «Вербный базар на Красной площади» (1916), «В.И. Ленин в гробу» (1924), «Первое мая в колхозе» (1936), «После боя под Москвой» (1942),

«А.М. Горький и Ф.И. Шаляпин в 1901 году в Нижнем Новгороде» (1955) можно осмысливать историю страны.

Гражданственные интересы, образы современника-творца, красоты жизне-радостной щедрой природы инициируют выставленные в Третьяковской галерее, в Русском музее и др. картины С.В. Герасимова «Фронтвик» (1926), «Колхозный базар» (1932, 1938, 1940), «В перевыборную кампанию» (1939), «Колхозный сторож» (1933), «Мать партизана» (1943–1950), «Лед прошел» (1945), «Сын вернулся» (1947), «Паводок» (1950, 1953), «Суд Пугачева. Иллюстрация к “Капитанской дочке” А.С. Пушкина» (1952), «Кутузов под Бородиным» (1952), «Молодая доярка» (1955), «Разгон крестьянской демонстрации в 1905 году» (1955).

Музыка сопровождает жизнь человека, идет в обход сознания, передает что-то много важнее, чем «есть, что сказать». Для разнообразия учебного процесса можно подвергать оценке природные и психолого-правовые ситуации из опер М.И. Глинки «Иван Сусанин», А.П. Бородина «Князь Игорь», М.П. Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина», П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Порой кажется, что музыкальные и юридические ценности имеют нечто общее: перефразируя Генрика Сенкевича из «Камо грядеши», можно сказать, что увлекательная песня и волнующая музыка (как и настоящая юриспруденция) открывают новые красоты и восторги, за которыми хочется устремиться, ухватить их, но, не успеваешь воспринять их, как наплывают новые впечатления, как морские волны, которые идут из бесконечности; музыка (и право, экология) подобны морю: мы стоим на одном берегу и видим даль, но другого берега невозможно увидеть. Когда играют и поют — видим такие вещи, которых не ведаем, что они существуют; музыка открывает новые царства, новые моря и горы, не ведомые раньше, которые ни назвать, ни понять умом, но надо чувствовать, как в тумане за звуками, мотивами различаются какие-то мелодии (громады норм, совокупности правил), неизмеримые в гармонии и вместе с тем со временем становящиеся ясными, на которых покоится мир (правопорядок) вокруг нас: музыка юриспруденции имеет свои закономерности, мелодии, ритмы.

Ни с чем не сравнимо воздействие на становление личности литературных произведений; как полагают литературоведы, человек есть то, что он читает; почти в каждом произведении присутствуют природа и право, например даже в простонародной сказке А.С. Пушкина: «Прибежали в избу дети, / Второпях зовут отца: / “Тятя! тятя! наши сети / Притащили мертвеца”... / Безобразно труп ужасный / Посинел и весь распух. / Горемыка ли несчастный / Погубил свой грешный дух, / Рыболов ли взят волнами, / Али хмельный молодец, / Аль ограбленный ворами / Недогадливый купец» [11: т. 2, с. 70]. Здесь уместно напомнить о приказе генерального прокурора расследовать все случаи насильственной смерти, поскольку практика показала возможности присутствия общественно опасных действий за кажущимися бытовыми случаями. У А.С. Пушкина (1828) — это вытасченный на песок из водного объекта (реки) невод с телом: «суд наедет, отвечай-ка; с ним я ввек не разберусь» (на подоб-

ную тему есть и картина с полицейским чином, внимательно рассматривающим мертвеца у воды).

Примерами преодоления чванливости, злоупотреблений, мошенничества, взяточничества, иных проявлений коррупции могут служить пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» с его городничим, прокурором, другими «кувшинными рылами» и «Мертвые души», где из ревизских сказок видно подлинное лицо крепостного строя, А.В. Сухово-Кобылина «Дело» и «Смерть Тарелкина», на основе которых можно увидеть систему бюрократии того времени и выстраивать стратегию борьбы с не уходящими в прошлое негативными явлениями. Редкая пьеса А.Н. Островского обходится без криминальных сюжетов, проблем, связанных с купеческой, коммерческой деятельностью.

В «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского (1866) основному содержанию романа предшествует сцена избиения лошади: «не жалей клячу; кобыленку эту так бы и убил; секи ее по глазам»; лядащая лошадка семенит ногами, задыхается, кричит, приседает от ударов шести кнутов, сыплющихся как горох, пока не падает и не умирает от ударов оглобли и лома: «засеку, моя лошадь, что хочу, то с ней и делаю, мое добро».

Исследователи творчества Ф.М. Достоевского видят здесь людской эгоизм, жестокость. Но им может быть придан правовой анализ: в ст. 137 «Животные» ГК РФ редакции 1994 г. предусматривается, что к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное; при осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности. В Федеральном собрании РФ обсуждаются в настоящее время непростые законопроекты об ответственном отношении к домашним и диким животным.

Там же у Ф.М. Достоевского: «Переехать в Сибирь, где почва богата во всех отношениях, а работников, людей и капиталов мало» — и можно вспомнить стольпинское переселение крестьян, аграрную реформу, выделение отрубков в начале XX века, здесь к месту будет анализ нынешних предложений гражданам получать бесплатно и осваивать дальневосточный гектар земли, а также перспективы закрепления там населения.

Полезными представляются показанные в романе тактика допроса полицейским следователем Порфирием Петровичем, сбор доказательств, очные ставки Федора Раскольников, подведение его к явке с повинной, смягчающие наказание обстоятельства в виде раскаяния, способствования следствию, беднейшего состояния, положительных поступков (вынес, обгорев, из пожара двух детей; помог чахоточному товарищу-студенту, а после его смерти — его старому расслабленному отцу, которого поместил в больницу, а затем хоронил), умысел на убийство одного человека из корыстных побуждений и убийство другого для сокрытия первого. Хрестоматийными стали сентенции следователя Порфирия Петровича «из ста кроликов никогда не составитя лошадь, так изо ста подозрений никогда не составитя доказательства», «дело следователя — это свободное художество в своем роде», «улики большей частью

о двух концах, а следовательно слабый человек, ему хочется математически ясно представить, такую улику достать, чтобы на дважды два — четыре выходило».

Крылатыми стали выражения романа: «позвольте вам выйти вон», «фанфаронство», «тварь ли я дрожащая или право имею», «ноне их не разберешь, кто благороден, кто нет»; «несу кирпичик на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствие сердца. А я ведь однажды живу и тоже хочу. Эстетическая и окончательная я вошь дрожащая, и больше ничего»; «нынче много нигилистов распространилось, ну да ведь оно и понятно; времена-то какие?». В романе прозвучали новые для того времени слова и понятия «гласность», «перестройка», вернувшиеся в наш обиход в 80-е годы уже XX столетия.

Интересны вложенные Достоевским в уста героев слова: «Медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько резких и странных влияний на душу человека. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем». Или: «Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организациями. Ни до одной правды не добирались, не соврав наперед раз четырнадцать, а может, и сто четырнадцать, это почетно в своем роде».

О нравах середины XIX века свидетельствуют: «стриженные девки лезут в академию, учатся анатомии; а вот я заболел, ну позову ли я девицу лечить себя?», авторское отступление: «Петр Петрович хотел, надеялся на всякий случай забежать вперед, уверившись, что все прогрессисты дурачки; до всех этих учений, мыслей, систем ему никакого не было дела. У него была своя собственная цель, поскорей разузнать: что и как тут случилось? в силе эти люди или не в силе? Есть ли чего бояться ему или нет? Обличат его, если он что-то предпримет, или не обличат? А если обличат, то за что именно, и за что, собственно, теперь обличают? Нельзя ли как-нибудь к ним подделаться и тут же их поднадуть, если они и в самом деле сильны? Нельзя ли что-нибудь подустроить в своей карьере именно через их же посредничество?».

Вызывают удивление диалоги, обобщения: «Все эти наши новости, реформы, идеи — все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в столице. Всего больше заметишь и узнаешь, наблюдая молодые поколения наши. Нахожу более ясный взгляд, более, так сказать, критики: более деловитости... — Врешь, деловитости нет, она приобретается трудно, а с неба даром не слетает. Идеи-то, пожалуй, и бродят, и желание добра есть, хоть и детское, и честность даже найдется, несмотря на то, что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! — Конечно, есть увлечения, неправильности, но надо быть и снисходительным: увлечения свидетельствуют о горячности к делу и о той неправильной внешней обстановке, в которой находится дело. Если же сделано мало, то ведь и времени было немного. Даже нечто и сделано: распространены новые, полезные мысли, сочинения, вместо прежних мечтательных и романтических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно

много вредных предубеждений... Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это уже дело-с. — Согласитесь, есть преуспеяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды»; «Выходило, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним и оба мы оставались наполовину голы. Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Чем более в обществе устроенных частных дел, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Приобретая исключительно себе, я тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана, и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспеяния. Немного надо остроумия, чтобы догадаться»; «Частная благотворительность благородна, гуманна, достойна уважения. Но не могу ей сочувствовать, потому что это социальная ошибка, она не только не искореняет зла радикально, но даже питает его еще более» [6: с. 176–177, 225, 296, 358, 381, 393, 479, 539–540].

Здесь уместно провести сравнение с диалогами Пьера Безухова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» о правах на собственность, на наследство, об ответственности за имущество, обязанности делать на нем добро для других. Связь времен приводит к обсуждению ст.ст. 8, 34, 35 Конституции РФ, ст. 2 ГК РФ о поддержке добросовестной конкуренции, свободе не запрещенной законом экономической деятельности, самостоятельной предпринимательской деятельности, осуществляемой на свой риск для систематического получения прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, о поощрении благотворительности, деятельности, способствующей экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию (ч. 3 ст. 39 и ч. 2 ст. 41 Конституции РФ), соблюдению баланса права частного и права публичного, диспозитивного и императивного методов регулирования.

В романе Л.Н. Толстого «Воскресение» (1899) раскрываются эсеровские мировоззрения крестьян по поводу земель: «совершенно ясно, что все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа. Земля же, которая так необходима ему, что люди мрут от отсутствия ее, обрабатывается этими же доведенными до крайней нужды людьми для того, чтобы хлеб с нее продавался за границу и владельцы земли могли бы покупать себе шляпы, трости, коляски, бронзы и т. п. Не может быть земля предметом собственности, предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца. Все имеют право на землю и на все преимущества, которые она дает людям».

А вот дальше (накануне революции 1905 г.) сложилась следующая ситуация: мужики не понимали планов Нехлюдова о распределении дохода земли между всеми и не могли понять, поскольку были несомненно убеждены в том, что всякому человеку свойственно соблюдать свою выгоду, а про помещиков они давно по опыту нескольких поколений знали, что помещик всегда ее соблюдает в ущерб

крестьянам. И потому если помещик призывает их и предлагает что-то новое, то, очевидно, для того, чтобы как-нибудь еще хитрее обмануть их.

Для изучения истории права и правовых, политических учений важны эти распространенные среди крестьян и интеллигенции настроения, не воспринятые должным образом российской элитой, властными структурами, приведшие к Февральской и Октябрьской революциям 1917 г., последующим кровавым столкновениям, аграрным, земельным потрясениям.

Также можно изучить состав преступления, стадии судебного разбирательства по делу Кати Масловой, ее психологию, обстановку в суде конца XIX века: бегание взад и вперед людей с поручениями и бумагами, проход то туда, то сюда приставов, адвокатов и судейских, унылое брожение у стен или сидение с ожиданием просителей и подсудимых не под стражей. Характеристики Л.Н. Толстым участвующих в суде лиц могут способствовать становлению профессионализма, правовому воспитанию при надлежащем критическом осмыслении, а, возможно, и коллективном обсуждении прочитанного с учетом современных реалий. В романе «Воскресение» находим:

«— судебный пристав в пенсне с университетским образованием (честный, но пивший запоем); секретарь сидел на противоположном конце судейского возвышения и, подготовив все те бумаги, которые могут понадобиться для чтения, просматривал запрещенную статью, которую он достал и читал вчера;

— товарищ прокурора с портфелем под мышкой, погружающийся в чтение и пересматривание бумаг, пользуясь каждой минутой для приготовления к делу; честлюбивый и считающий необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять (сущность рассматриваемого дела знал в общих чертах и составил уже план речи, но нужны были еще некоторые данные, и их-то он теперь и выписывал из дела). После задаваемых им подсудимым вопросов и ответов на них делал вид, что что-то записывает, хотя в действительности ничего не записывал, а только обводил пером буквы своей записки, но он видал, как прокуроры и адвокаты это делают: после ловкого вопроса вписывают в свою речь ремарку, которая должна сокрушить противника;

— гениальный адвокат сумел отнять у старушки ее имущество в пользу дельца, не имевшего на это имущество никакого права, — это знали и судьи, а тем более истец и его адвокат; но придуманный ими ход был такой, что нельзя было не отнять имущество у старушки и не отдать его дельцу. Все глаза обращались на того знаменитого адвоката с самодовольным лицом, который сделал так, что старушка осталась ни при чем, а делец, давший ему десять тысяч, получил больше ста тысяч; всей наружностью своей он как бы говорил: «Не нужно никаких выражений преданности», — и быстро шел мимо всех;

— заседатели — разного сорта люди, которые в комнате присяжных сидели, ходили, разглядывая друг друга и знакомясь: несмотря на то, что многих это оторвало от дела и что они говорили, что тяготеют этим, — на всех был отпечаток некоторого удовольствия сознания совершения общественного важного дела;

– внушительность судей в расшитых золотом воротниках мундиров, смущенные своим величием, поспешно и скромно опускающие глаза, изображающие из себя беспристрастность и справедливость».

В этом художественном произведении многое может нацеливать молодых людей на должное отношение к юридической профессии, к справедливости, к закону и его соблюдению: последовательность и торжественность судебного процесса, почтительное внимание к присутствующим, избрание старшины присяжных, разъяснение прав, обязанностей, ответственности; прибытие на допрос к следователю и в суд вице-губернатора; искоренение недостатков исправительно-трудовой, пенитенциарной системы; преодоление сословного и имущественного неравенства, грубого корыстолюбия и неоправданной жестокости.

Л.Н. Толстой поднимается до более глубоких обобщений латентной преступности: «...подсудимый мальчик не какой-то особенный злодей, а самый обыкновенный — это видят все — человек, и что он стал тем, что есть, только потому, что находился в таких условиях, которые порождают таких людей...; ясно, что для того, чтобы не было таких мальчиков, нужно постараться уничтожить те условия, при которых образуются такие несчастные существа... Мы хватаем такого одного случайно попавшегося нам мальчика, зная очень хорошо, что тысячи таких остаются непойманными, и сажаем его в тюрьму, в условия совершенной праздности или самого нездорового и бессмысленного труда, в общество таких же ослабевших и запутавшихся в жизни людей, а потом везем его на казенный счет в сообщество самых развращенных людей из Московской области в Иркутскую. Для того же, чтобы уничтожить те условия, в которых зарождаются такие люди, не только ничего не делаем, но только поощряем те заведения, в которых они производятся. Заведения эти известны: фабрики, заводы, мастерские, трактиры, кабаки. Воспитаем так не одного, а миллионы людей, и потом поймаем одного и воображаем себе, что мы что-то сделали, оградили себя и что больше уже и требовать от нас нечего. А ведь стоило только найти человека, который пожалел бы его, кто ему больному и испорченному, одурелому и шальному, привыкшему слышать, что молодец тот, кто обманет, кто выпьет, кто обругает, кто прибьет, развратничает сказал бы “не ходи в трактир”».

Автор обращался к науке для того, чтобы найти ответы на прямые, простые, жизненные, хитрые и мудреные вопросы — есть или нет у человека свобода воли, можно ли его признать преступным по измерению черепа? Какую роль играет наследственность? Есть ли прирожденная нравственность и безнравственность? Что такое сумасшествие и вырождение? Как влияют на преступление темперамент, климат, пища, невежество, подражание, гипноз, страсти? Что такое общество и какие его обязанности? Л.Н. Толстой показывает путаницу в головах тех, кто считает себя героями, готовыми жертвовать жизнью для успеха дела и едва ли могущих объяснить, в чем состоит это дело и в чем его успех. Обсуждает — «что лучше, прежде образовывать народ, а потом изменять формы жизни, или прежде изменить формы жизни, и потом — как бороться: мирной пропагандой, террором? А кое-кто не спорит, знает свое дело, им все равно, погибнут, не погибнут десятки, сотни людей, да каких людей! Им нужно, чтобы

погибли лучшие. Герцен говорил, что, когда декабристов вынули из обращения, понизился общий уровень. Еще бы не понизился! Потом вынули из обращения самого Герцена и его сверстников» [14: с. 21, 25, 28, 41, 226, 229, 422].

Эти размышления поднимают читателя над обыденностью, стимулируют сопоставление прошлого, настоящего и будущего, необходимое для становления профессионального и морального облика современного юриста, работающего в провозглашенном конституцией демократическом, правовом государстве с республиканской формой правления.

Возможно этико-юридическое прочтение чеховских текстов. Резко конфликтные, острые пласты и криминальная начинка его произведений на основе впечатлений земского, судебного врача влияли на общественное мнение, на обсуждение правотворческих инициатив, принятие законодательных решений. У А.П. Чехова осязаемы экологическая составляющая, тревога за нынешнее и будущее природы: «люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитающие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная душа напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, пусто, страшно. Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака» [12: т. VII, с. 152–153].

Что это? Предвидение сто двадцать лет тому назад экологической или ядерной катастрофы? В конце XIX века оптимистично надеялись на всемогущество познания законов природы и обретение власти над ней. В.В. Вересаев писал в 1895 г.: «Если в настоящее время сделано так много, то что же даст наука в будущем! Раскрываются такие светлые перспективы, что становится весело за жизнь и за человека. Истинная дорога найдена, и свернуть с нее уж невозможно. *Natura parendo vincitur* — природу побеждает тот, кто ей повинуется; когда будут поняты все ее законы, человек станет над ней неограниченным властителем». И еще: «Силою своего разума человек все больше сбрасывает с себя иго внешней природы, становится все более независимым от нее и все более сильным в борьбе с ею. Культура быстро улучшает и совершенствует нашу жизнь, дает такие условия существования, о которых под властью природы нельзя было и мечтать. Господству внешней природы над человеком приходит конец... Но так ли беззаветно можно этому радоваться? Несемся вперед, не успевая оглядываться по сторонам, не замечаем, как теряем одно за другим все имеющиеся у нас богатства — и не хотим этого замечать. Когда подведешь итог тому, что потеряно и что с легким сердцем собираемся потерять, становится жутко, и начинает мерещиться темный призрак нового рабства человека» [14: т. 1, с. 280, 375].

В настоящее время обсуждаются возможности права воздействовать на благоустройство природной и создание комфортной среды проживания, формирование глобального мышления, сохранение биоразнообразия, Мирового океана, климата Земли [10]. Критике подвергаются слова В.В. Маяковского в поэме «Хорошо»: «И меркнет доверье к природным дарам / с унылым пудом сенца, / и поворачиваются к тракторам / крестьян заскорузлые сердца»; популярный лозунг всемирно

известного российского естествоиспытателя И.В. Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Иван Владимирович полагал, что суть его работы заключалась в том, чтобы заниматься исключительно изучением законов растительного мира, подходя к этому с диалектической стороны и с точки зрения выработанных им методов, основанных на глубоких наблюдениях и строгой практической проверке крайне бедных по количеству научных данных. «Люди привыкли, найдя какое-либо малейшее отверстие в завесе природы, скрывающей ее тайны, и видя через это отверстие ничтожную долю загадок, кричать о покорении природы точь-в-точь как крыловская муха на рогах вола воображала, что пахала плугом» [8: т. 4, с. 243, 426.].

Зрелый подход заключается в понимании соотношения законов природы и законов юридических, верном сочетании природной, правовой, культурной и предпринимательской среды, развитии предсказанной В.И. Вернадским ноосферы — торжества человеческого разума, не способного вредить себе [1: с. 21–31].

Сопоставление природных и общественных явлений, единство человека и природы отмечаются в рассказах А.М. Горького, где степь вздыхает, море спит, смеется, негодует; в «Коновалове» стихия морского прилива адекватна человеческим эмоциям, сопутствует социальным конфликтам (автор поднимается до рассмотрения роли права в упорядочении жизни индивидуума, его роли в самоорганизации своего сознания).

«Здесь рассказывают и слушают историю, всегда носящую характер оправдательно-защитительной речи. Люди друг друга винят в своих незадачах, всю жизнь, все порядки. Выходит, человек сам по себе не виноват ни в чем. Люди всему враждебные, над всем готовые испробовать силу своего озлобленного скептицизма, всегда все винят, на все жалуются, упорно отодвигая себя в сторону, всегда сваливают свои неудачи на безмолвную судьбу, на злых людей. А где же ты в это время был? И почему ты против своей судьбы никакой силы не выставил? И как это так выходит, что все мы жалуемся на людей, а сами тоже люди? Значит, на нас тоже можно жаловаться? Нам жить мешают, — значит, и мы тоже кому-нибудь мешали, верно? Никто ни в чем не виноват перед нами, каждый виноват сам перед собой. Каждый человек сам себе хозяин, и никто в том не виноват, если я подлец. Неужто нельзя выдумать такой закон, чтобы все люди действовали как один и друг друга понимать могли? Неужто умные люди не понимают, что нужно на земле устроить порядок и привести в ясность людей?; настроили люди домов, городов, собрались там в кучи, пакостят землю, задыхаются, теснят друг друга... Тухлая там жизнь, ни воздуха, ни простору, ничего, что человеку надо» [4: т. 3, с. 6, 20–22, 28–29, 40, 52–53]. Эти характеристики населенных пунктов можно связать с постановкой и попытками решения задач в ст.ст. 1–4 Градостроительного кодекса РФ [2: с. 7–31].

Правовые коллизии могут разбираться на примерах произведений А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина», «Егор Булычов и другие», «Дело Артамоновых», «На дне», где, например, стоит Клещу сказать о ночлежниках без чести и совести, как Бубнов отвечает: «На что совесть? Я — не богатый»,

а Васька Пепел приводит слова Сатина: «Всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее» [5: т. 6, с. 115].

Повести П.Ф. Нилина «Жестокость» и «Испытательный срок», переведенные на киноэкран, как и художественные фильмы «Дело № 306», «Дело Румянцева», «Дело “Пестрых”» (богатая фантазия сценаристов и режиссеров на заголовки!), телепередача «Следствие ведут...» настраивают на добросовестную оперативную работу, востребованную обществом. Современные детективные телесериалы порой удивляют некомпетентностью описания событий, несоответствием функций действующих лиц, надуманностью наименований, поведения должностных лиц, но анализ их недостатков, как и достоинств может содействовать наглядности обучения юристов, которым приходится разбирать споры, конфликты (порой весьма запутанные и сложные), сталкиваться со страданиями, разрешением противоположных запросов, постоянно видеть изнанку общества. И в этой среде освоение художественных ценностей как раз и формирует уважение к труду, к личности, способствует преодолению правового нигилизма, экологического утопизма и алармизма, содействует атмосфере нетерпимости к злоупотреблениям властью, беззакониям, несправедливости [9: с. 103–119; 13: с. 443–460].

Судьба юриста не всем оказывается по плечу, кое-кто, избавляясь от иллюзий, романтизма, поддаваясь искушениям, не устояв перед соблазнами, впадает в пессимизм, пренебрегает вековыми традициями благородной юридической корпорации. Талантливые художественные произведения призваны порождать в человеке стремление к участию в обеспечении необходимого и желаемого экологического правопорядка, законности, воспитывая эти качества художественными образами.

Неразрывными представляются связи мировой культуры и государства, иницирующего и спонсирующего совмещение юридических и художественных ценностей. Выпускник юридического факультета Петербургского университета Н. Рерих, продолжая идею швейцарского профессора XIX века Якоба Буркхардта о приоритете культуры в государстве, стал автором российской концепции государства как произведения искусства, где доминантой является культура. Эта отчасти наивная, несколько абстрактная мысль покоряет многие страны, подписавшие Пакт о запрете разрушения произведений культуры и науки. Созданное в Москве в 2010 г. Флорентийское общество осуществляет не только попытки культурного возрождения нашей страны, но и связывает развитие ее государственности с состоянием художественного просвещения.

Ректор МГЮА академик РАН О.Е. Кутафин, разрабатывая вопросы государственного строительства, подготовки кадров муниципальных служащих, полагал, что без порыва к Возрождению (в интернациональном понимании, с учетом национальных поисков, отечественных традиций) исторические шансы страны становятся проблематичными: граждане, должностные лица, освоившие, совмещающие правовые и художественные ценности, перестают быть безбрежными фантазерами, но делаются воплощениями высочайшей

и светлейшей мечты в жизнь, совершают светоносные дела, возникающие от напряжения мысли и нравственности высокого качества [7: с. 330].

Художественные произведения с отображением противоречий людских отношений, столкновений человеческих позиций, противоборства добра и зла, совестливости и эгоизма, мужества и трусости, не всегда имеющие однозначные выводы и положительные концовки, но заставляющие самостоятельно мыслить и учиться принимать ответственные решения, за которые приходится платить по счетам, готовят молодых людей к жизни, к преодолению противоречий законности и целесообразности.

Литература

1. *Боголюбов С.А.* Законы природы и законы общества // Государство и право. 2016. № 11. С. 21–31.
2. *Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Кичигин Н.В., Минина Е.Л.* Комментарий к Градостроительному кодексу РФ. Постатейный. М.: Проспект, 2016. 752 с.
3. *Вересаев В.В.* Записки врача // Вересаев В.В. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Правда, 1961. С. 244–423.
4. *Горький М.* Коновалов // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 3. М.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1950. С. 5–54.
5. *Горький М.* На дне // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 6. М.: Гос. изд. худ. лит., 1950. С. 103–175.
6. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Л.: Художественная литература, 1978. 559 с.
7. *Кутафин О.Е.* Первый по праву. М.: Прогресс РК, 2011. С. 329–330.
8. *Мичурин И.В.* Статьи, заметки // Мичурин И.В. Сочинения: в 4 т. М.: Гос. изд. сел. лит-ры, 1948. С. 325–456.
9. Общая теория права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Манускрипт, 1994. 396 с.
10. Право и климат планеты: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов, Н.В. Кичигин. М.: Юстиция, 2018. 180 с.
11. *Пушкин А.С.* Утопленник // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.-Л.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1931. С. 70–72.
12. Сочинения А.П. Чехова. Пьесы. «Чайка». СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1902. С. 141–202.
13. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.
14. *Толстой Л.* Воскресение. М.: Художественная литература, 1955. 463 с.

Literatura

1. *Bogolyubov S.A.* Zakony' prirody' i zakony' obshhestva // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 11. S. 21–31.
2. *Bogolyubov S.A., Galinovskaya E.A., Kichigin N.V., Minina E.L.* Kommentarij k Gradostroitel'nomu kodeksu RF. Postateiny'j. M.: Prospekt, 2016. 752 s.
3. *Veresaev V.V.* Zapiski vracha // Veresaev V.V. Sobr. soch. v 5 t. T. 1. M.: Pravda, 1961. S. 244–423.

4. *Gor'kij M. Konovalov // Gor'kij M. Sobr. soch. v 30 t. T. 3. M.: Gos. izd. khud. lit-ry', 1950. S. 5–54.*
5. *Gor'kij M. Na dne // Gor'kij M. Sobr. soch. v 30 t. T. 6. M.: Gos. izd. khud. lit., 1950. S. 103–175.*
6. *Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. L.: Xudozhestvennaya literatura, 1978. 559 s.*
7. *Kutafin O.E. Pervyj po pravu. M.: Progress RK, 2011. S. 329–330.*
8. *Michurin I.V. Stat'i, zametki // Michurin I.V. Sochineniya: v 4 t. M.: Gos. izd. sel. lit-ry, 1948. S. 325–456.*
9. *Obshhaya teoriya prava: uchebnik / pod red. A.S. Pigolkina. M.: Manuscript, 1994. 396 s.*
10. *Pravo i klimat planety': monografiya / otv. red. Yu.A. Tixomirov, S.A. Bogolyubov, N.V. Kichigin. M.: Yusticiya, 2018. 180 s.*
11. *Pushkin A.S. Utoplennik // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 6 t. T. 1. M-L.: Gos. izd. khud. lit-ry', 1931. S. 70–72.*
12. *Sochineniya A.P. Chexova. P'esy'. «Chaika». SP.: Izd. t-va A.F. Marks, 1902. S. 141–202.*
13. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov / pod red. A.S. Pigolkina. M.: Gorodecz, 2003. 544 s*
14. *Tolstoj L. Voskresenie. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1955. 463 s.*

S.A. Bogolyubov

Art Education Helps Environmental Education

Legal, ecological education in combination with works of art have a positive effect on the quality of graduates. To participate in the organization of proper law and order, nature management, nature conservation, the realization of the right of everyone to a favorable environment, a combination of environmental and legal knowledge, environmental and legal education and culture are necessary. This is facilitated by artistic forms of reflection, the knowledge of reality in the works of art, music, literature, and theater.

Keywords: jurisprudence; the formation and loyalty of the profession; artistic education; personality; society; state.